

Из истории русско-французских научных связей: комментарий к двум инскриптам Б. В. Томашевского в библиотеке Страсбургского университета

Р. А. Евстифеева

Цель настоящей статьи — представить и прокомментировать два инскрипта Бориса Томашевского, хранящихся в славянском фонде Библиотеки восточных языков Страсбургского университета. Большой научной ценности они не имеют, но все-таки интересным видится вопрос о том, как именно они оказались в фонде. Этот вопрос мы рассмотрим на фоне франко-советских научных связей эпохи и того места, которое на карте этих связей занимал Страсбургский университет.

В 2026 г. этому небольшому эпизоду из истории славистики исполняется сто лет, но за последние годы его актуальность только возросла. Ведь в значительной степени это история о том, как отдельные ученые пытались сохранять научный диалог, академические и дружеские связи в крайне неблагоприятных для этого условиях¹.

Инскрипты

Надписи, о которых идет речь, содержат одинаковый текст и датировку: «À l'Institut des langues et littératures slaves de l'Université de Strasbourg. 5/8-26. B. Thomachevsky». Обе они сделаны на отдельных оттисках статей Томашевского.

Дадим сведения об оттисках².

¹ Благодарим за ценные замечания и помощь в подготовке статьи Родольфа Бодэна и Алину Бодрову.

² Поскольку библиотека еще не была полностью каталогизирована и даже до конца не разобрана после переезда в новое здание (о чем см. ниже), указать место хранения оттисков в соответствии с библиографическими стандартами пока не представляется возможным.

Первый из них датируется 1916 г. и представляет собой статью «Заметки о Пушкине» из сериального издания «Пушкин и его современники» (сам сборник датируется при этом 1917 г.), страницы 56–72 (нумерация страниц в оттиске — 1–17). В статье Томашевский указывает на источники нескольких пушкинских стихотворений — он находит их прежде всего в античной и французской поэзии.

Более поздний оттиск — это статья на сходную тему: «Пушкин — читатель французских поэтов» из сборника «Пушкинист, IV. Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова». На обложке сборника указан 1923 г.³

Хотя ничего совсем уж фантастического в возможности попадания в библиотечный фонд Страсбургского университета брошюр с дарственной надписью советского ученого в 1926 г. нет, назвать такое событие будничным и тривиальным тоже нельзя.

Библиотека

Страсбург обладает развитой и сложной сетью библиотек и фондов, поэтому уточним, о каком именно фонде мы ведем речь, а затем осветим историю его создания и формирования. Нужно иметь в виду, что публикаций на эту тему найти не удалось — по-видимому, их не существует⁴. Часть изложенных ниже сведений получена устно из разных источников.

Национальная и университетская библиотека⁵ — более-менее ровесница университета. Обе организации созданы Вторым рейхом, к которому по результатам франко-прусской войны отошел Эльзас.

А вот славянский книжный фонд внутри университета появляется уже в следующую историческую эпоху — и в другой стране: по итогам Первой мировой войны Эльзас отошел к Франции, и местный университет был решительно реформирован в 1919 г. Из него исчезли некоторые отделения, считавшиеся «слишком немецкими», вроде античной археологии, а взамен были открыты новые — в частности, Институт славистики (*Institut d'études slaves*)⁶.

³ Настоящий год издания — 1922, как это указано в обеих полных библиографиях ученого: [Зайцева 1958; Список 1959] (автором второй библиографии мог быть Р. Якобсон — автор некролога, который и сопровождает библиографию).

⁴ Единственным исключением является глава в дипломной работе Клода Лоренца [Lorentz 2000: 72–74].

⁵ Название библиотеки, уникальное для французской библиотечной системы, восходит к той же эпохе. Для немецкой библиотечной системы такой тип библиотеки привычен: его можно найти сегодня, например, в Гамбурге или Бремене.

⁶ Одновременно с парижским одноименным институтом.

«Причины этого нововведения очевидны, — писал Люсьен Теньер несколькими годами позже, в 1925 г. — В Германии Страсбург был одним из самых удаленных от славянских стран городом. Напротив, во Франции — самым близким»⁷. Родольф Бодэн предлагает более подробное объяснение причин, по которым славянское отделение («Институт») отсутствовало при Кайзере и было открыто только при французской администрации: «Возможно, что славистика не казалась одной из тех передовых дисциплин немецкой науки, которые должен был развивать Университет. Возможно и то, что политическая ситуация вскоре стала неблагоприятной: франко-русский альянс постепенно превращался в символ французского реваншистского проекта»⁸. Альянс этот дал важный импульс развитию французской славистики; причем после 1918 г. большой интерес вызывала не только Россия (сотрудничество с которой было теперь затруднительно), но и новые славянские государства, образовавшиеся на руинах Австро-Венгерской империи⁹.

Вместе с появлением Института славистики в структуре Страсбургского университета стала развиваться и внутренняя, кафедральная библиотека — отличная от уже к тому моменту отстроенной Национальной и университетской библиотеки.

Теньер сообщает, что начало библиотеке положил его предшественник по кафедре Андре Мазон — собственно, основатель Института (и один из ключевых участников в организации его парижского аналога) — и что

⁷ «Les raisons de cette innovation sont faciles à comprendre. En Allemagne, Strasbourg était une des villes les plus éloignées des pays slaves. En France, c'est au contraire la plus proche» [Tesièr 1925: 39].

⁸ «Il est possible que la slavistique n'ait pas semblé faire partie des disciplines de pointe de la science allemande que l'université était appelée à mettre en scène. Il est probable ensuite que la situation politique ne s'y soit rapidement plus prêtée, à mesure que l'alliance franco-russe devenait le symbole des projets de revanche français». Цитата взята из неопубликованного черновика статьи [Baudin 2017], предоставленного нам автором; в опубликованном варианте это ценное наблюдение отсутствует. Жак Вейранк прямо связывал открытие русской кафедры в Лилле в 1892 г. с заключением Альянса [Veyrenc 1985: 252]. Историк Антуан Марес говорит о поколении славистов, к которому относился Андре Мазон, что «оно находилось под большим впечатлением от франко-русского альянса» («génération marquée par l'alliance franco-russe» [Marès 2011: 76]).

⁹ Такое объяснение предлагает, например, Андре Мазон: «Война 1870–1871 гг. привлекла к русистике определенное количество молодых французов. Но только война 1914–1918 гг. показала, какую важную роль играют в восстанавливающейся Европе народы, только теперь оформившиеся в независимые государства» (La guerre de 1870–1871 n'avait pas été étrangère au mouvement qui avait dirigé vers les études russes un certain nombre de jeunes Français. Il fallut la guerre de 1914–1918 pour éclairer l'opinion sur le rôle qui incombe, dans l'Europe restaurée, aux peuples nouvellement constitués en États indépendants) [Mazon 1933].

к 1925 г. она насчитывала 1300 книг на разных славянских языках: частью закупленных, частью полученных в дар от правительств славянских стран. Он дает также очень поэтичное описание библиотеки, располагавшейся тогда в центральном здании университета, в северо-западном флигеле, в одном зале с Институтом компаративистики: «Широкие потоки света проникают через четыре больших окна, а в помещении для студентов стоит просторный стол, за которым легко расположиться с удобством. Вдоль стен и в качестве перегородок стоят стеллажи с книгами, составляющими библиотеку нашего Института. Эти книги в любой момент находятся под рукой у студентов, которые могут найти там, не теряя времени, всю информацию, необходимую им для работы»¹⁰.

В 1920–1930-е гг. произошло расширение фонда — прежде всего за счет периодических изданий. В 1937 г. Теньера на посту директора Института сменил Борис Унбегаун, перед этим некоторое время проработавший библиотекарем в парижском Институте славистики, — он принял на себя активное развитие фонда. Так библиотека обогатилась книгами по литературе и лингвистике, в том числе диахронической — в этом отношении фонд до сих пор остается во многом уникальным на общепарижском фоне.

Мы не знаем, что точно произошло с книгами Института с началом Второй мировой войны, когда Эльзас был аннексирован Третьим рейхом. Еще в сентябре 1939 г. французское правительство эвакуировало Страсбургский университет в Клермон-Ферран — вместе с половиной студентов, библиотекой и педсоставом, среди которого были Унбегаун и его коллега и соотечественник Дмитрий Стремоухов. Оба они были арестованы после падения «свободной зоны»¹¹, прошли через заключение в концлагере и после войны вернулись в Страсбург. Сейчас в славянском фонде можно найти как книги со свастикой на печати (с кафедр истории и сравнительного религиоведения), так и книги с печатью «Страсбургский университет (Клермон-Ферран)».

В 1960-е гг. был построен новый кампус, в том числе здание «Патио» для языкового факультета, в котором расположились кафедра «русских и советских исследований» — при этом одно помещение было отведено под библиотеку. В некоторые периоды, согласно устным свидетельствам, там работал библиотекарь. К 2020-м гг. пополнение фонда свелось к минимуму,

¹⁰ «La lumière entre à profusion par quatre grandes fenêtres, et la salle réservée aux étudiants possède une table spacieuse, sur laquelle il est facile de s'installer commodément pour travailler. Les murs et les parois sont garnis de rayons, sur lesquels sont disposés les livres de la bibliothèque de notre Institut. Ces livres sont ainsi à tout moment sous la main des étudiants, qui peuvent y chercher sans perte de temps tous les renseignements et toutes les références nécessaires à leurs travaux» [Tesnière 1925: 40].

¹¹ Об этом эпизоде см. [Aubert 2011; Bernard 2022].

выдачей книг занимались иногда студенты-стажеры. В 2022–2023 гг. фонд, насчитывавший около 5000 книг на разных славянских языках (с решительным преобладанием русского, а также с незначительным присутствием языков советских республик), вошел в новообразованную секцию Университетской библиотеки. Задумывалась она как Библиотека Восточных языков, но официально называется «Библиотека иностранных языков — Портик» (по названию корпуса на кампусе, в котором она разместилась, в отличие от Библиотеки «западных» языков, находящейся в корпусе «Патии»).

Инскрипты в этом фонде редки: на данный момент нам удалось найти две книги, на которых стоит фамилия Унбегауна¹² — судя по всему, речь идет об экслибрисе, — и дарственную надпись «В Институт славистики при Страсбургском университете», оставленную на книге «Жизнь Л. Н. Толстого» ее автором, многолетним секретарем писателя Н. Н. Гусевым¹³.

Относительно книги Гусева можно предположить, что она попала в фонд приблизительно таким же путем, что и брошюры Томашевского. Обратимся теперь к этим последним и к истории их происхождения.

Мазон и его контакты с Советской Россией

Как уже сказано выше, первым директором и фактически основателем Института славистики в Страсбурге был Андре Мазон.

Отучившись в Париже (где он слушал курс старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков у Антуана Мейе), Праге и Харькове, он затем несколько лет поработал библиотекарем в Институте восточных языков¹⁴. После войны Министерство образования направило его для закупки русских книг в Петроград, где в 1918 г., после покушения Фанни Каплан на Ленина, Мазон побывал в тюрьме — о чем опубликовал статью по возвращении во Францию [Mazon 1919].

В 1919 г. он, таким образом, становится директором новообразованного Института славистики в Страсбурге — но сохраняет свои парижские контакты: активно участвует в работе тамошнего Института славистики и двух славистических журналов.

В 1925 г. он становится генеральным секретарем и самым деятельным участником Французского комитета по научным связям с Россией (*Comité français des relations scientifiques avec la Russie*) [Cœuré 2004: 29].

¹² На «Хрестоматии древнерусской литературы», составленной Ф. Буслаевым (М., 1912), и «Материалах для библиографии русских научных трудов за рубежом» (Белград, 1931).

¹³ Книга издана в Москве в 1927 г. Те же место и год выхода указаны в инскрипте.

¹⁴ См. краткий очерк его биографии, например, в статье [Marès 2011].

По оценкам разных исследователей, в случае Мазона это вовсе не значило принятия им советской власти: во-первых, опыт заключения в советскую тюрьму мало способствовал такому принятию¹⁵, а во-вторых, многое в работе Комитета говорит об обратном — например, название, в котором только в 1933 г. «Россию» заменили на «СССР» [Ibid.: 30], нежелание устанавливать связи с советскими учреждениями и, напротив, явное стремление возобновлять прерванные связи с учеными из Ленинграда на фоне отсутствия интереса к Москве вообще [Rjéoutski 2011: 101].

Деятельность Комитета включала прежде всего организацию поездок и книжный обмен.

В рамках этой деятельности Мазон пригласил во Францию нескольких советских ученых, в том числе Томашевского¹⁶. Организованный им книжный обмен был призван пополнять прежде всего библиотеку Института восточных языков, но также и двух институтов славистики — в Париже и Страсбурге. Список книг для закупки был составлен Унбегауном; а в поездку должны были отправиться Мазон и Теньер¹⁷.

Нам пока не удалось найти сведений о визитах Томашевского до 1927 г.¹⁸, поэтому мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, каким из двух путей два его инскрипта попали в Страсбургский университет: привез ли он их самостоятельно в Париж или передал Мазону или Теньеру во время их визита в СССР.

Несомненно одно: этим мы обязаны деятельности Комитета по научным связям и в особенности Андре Мазону.

В 1924 г. он оставил Страсбургскую кафедру Теньеру, а сам занял кафедру в Collège de France в Париже, но, как мы видели, вместе с Теньером и не без участия Унбегауна продолжал заниматься пополнением славянского фонда страсбургской кафедральной библиотеки — вероятно, до 1940 г., когда деятельность Комитета прекратилась.

¹⁵ См. статью Мареса.

¹⁶ [Rjéoutski 2011: 102], на основании фондов Мазона, хранящихся сегодня в парижском Институте славистики. Следует иметь в виду, что Томашевского с французским языком и культурой связывали научные интересы, а также то, что свое первое высшее образование он получал на французском языке, в бельгийском (валлонском) Льеже. Часто можно встретить упоминание о том, что он посещал вольнослушателем лекции в Сорбонне; Н. А. Богомолов призывает относиться к этим упоминаниям с осторожностью [Богомолов 2017].

¹⁷ Там же.

¹⁸ Благодарим Катрин Депретто за предоставление сведений о поездке Томашевского с супругой во Францию и Чехию в 1927–1928 гг.

Эпилог

В статье мы попытались наметить путь, которым две брошюры с дарственной надписью Томашевского попали в кафедральную библиотеку славистики в Страсбургском университете, а также представить контекст, в котором это происходило и в котором эти брошюры хранятся сегодня.

С самого момента своего создания этот фонд находился на перекрестке больших и сложных исторических процессов; впрочем, то же можно сказать и об университете.

Пополнение фонда в первые десятилетия его истории лежало прежде всего на трех ученых-славистах, остававшихся энтузиастами своего дела даже перед лицом исторических катастроф: Андре Мазоне, Люсьене Теньере, Борисе Унбегауне.

Именно благодаря им, и в особенности Мазону, две брошюры Томашевского попали в кафедральную библиотеку: сегодня они служат зримым памятником тем усилиям, которые Мазон предпринимал, чтобы, не принимая советской власти, все-таки поддерживать через ее посредство — и отчасти в ее обход — научное общение и сотрудничество с прежними коллегами и друзьями.

Двум ученым — французскому и советскому — удалось сохранить формы сотрудничества и после 1926 г.: так, Мазон опубликовал в «Журнале славянских исследований» (секретарем редакции которого он был) статью Томашевского о формальной школе [Tomaševskij 1928], а тот отредактировал русский перевод монографии Мазона о рукописях Тургенева из фондов Французской национальной библиотеки [Мазон 1931]¹⁹.

Хотелось бы, чтобы и настоящая статья была примером того, что по-настоящему важные научные связи можно поддерживать даже в неблагоприятные для них исторические эпохи.

Литература

Богомолов 2017 — *Н. А. Богомолов*. Молодой Томашевский о критике «Весов» и критике вообще // Замечательное шестидесятилетие. Ко дню рождения Андрея Немзера. Т. 2. М., 2017. С. 4–12. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/zamechatelnoe-shestidesyatiletie-ko-dnu-rozhdeniya-andreya-23589371/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.09.2025).

Зайцева 1958 — *В. В. Зайцева*. Томашевский Борис Викторович. Список трудов // Русская литература XIX века. Ученые записки ЛГУ. № 261. Серия филологических наук. Вып. 49. Л., 1958. С. 174–194.

¹⁹ В архиве Б. В. Томашевского в РГБ хранятся, кроме того, письма от А. Мазона 1925–1936 гг.; последнее из них датируется периодом «оттепели» — 1956 г. По объективным причинам у нас не было возможности ознакомиться с их текстом.

- Мазон 1931 — *A. Мазон*. Парижские рукописи И. С. Тургенева / Пер. с франц. Ю. Ган; под ред. Б. Томашевского. М.; Л., 1931.
- Список 1959 — Список трудов Б. В. Томашевского // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1–2. 1959. P. 313–343.
- Aubert 2011 — *M.-P. Aubert*. Les universitaires et étudiants strasbourgeois repliés à Clermont-Ferrand entre 1939 et 1945. Un chantier de recherches ouvert // *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*. 2011. 43, № 3. P. 439–454.
- Baudin 2017 — *R. Baudin*. Russe et langues slaves // *Dictionnaire culturel de Strasbourg 1880–1930*. PUS, 2017. P. 462.
- Bernard 2022 — *M. Bernard*. 1943. La rafle de l'université de Strasbourg repliée à Clermont-Ferrand. Portet-sur-Garonne, 2022.
- Cœuré 2004 — *S. Cœuré*. La langue russe et la «carte mentale» de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. Année 2004. 76. P. 27–33.
- Lorentz 2000 — *C. Lorentz*. Les fonds anciens de l'Université Marc Bloch de Strasbourg: historique, essai d'évaluation et situation générale. Villeurbanne, 2000.
- Marès 2011 — *A. Marès*. André Mazon, un slaviste au XXe siècle : profil politique d'un savant // *Revue des études slaves*. T. 82, fasc. 1. 2011. P. 69–94.
- Mazon 1919 — *A. Mazon*. Prisons russes // *Revue de Paris*. 15 juin 1919. P. 683–705; 1er juillet 1919. P. 107–133.
- Mazon 1933 — *A. Mazon*. Les études slaves // *La Science française*. Paris, [1933]. URL: http://alger50.org/rdm/images/documents/1933-Les_etudes_slaves_par_Andre_Mazon.pdf (дата обращения: 29.09.2025).
- Rjéoutski 2011 — *V. Rjéoutski*. André Mazon et les relations scientifiques franco-soviétiques (1917–1939) // *Revue des Études Slaves*. Année 2011. 82–1. P. 95–113.
- Tesnière 1925 — *L. Tesnière*. L'Institut de langues et littératures slaves // *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, n°2, décembre 1925. P. 39–42.
- Tomaševskij 1928 — *B. Tomaševskij*. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // *Revue des études slaves*. T. 8, fasc. 3–4. 1928. P. 226–240.
- Veyrenc 1985 — *J. Veyrenc*. Histoire de la slavistique française // *Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern*. Wien, 1985. P. 245–303.